

**ЭЛЬКОНИН
БОРИС
ДАНИИЛОВИЧ**

Доктор психологических наук, профессор, заведующий лабораторией психологии младшего школьника Психологического института РАО. Главный редактор журнала «Культурно-историческая психология».

E-mail: belconin@bk.ru

**«ВОПРОС В ТОМ, ЧТОБЫ НАУЧИТЬСЯ
ДЕЛАТЬ 'ЦИФРУ' СРЕДСТВОМ.
ТАКОВА КЛЮЧЕВАЯ ЗАБОТА»**

Экспертное интервью¹

DOI: 10.32691/2410-0935-2023-18-224-232

Персидская О. А.: Борис Даниилович, рада Вас приветствовать! Я немного расскажу о нашей позиции. Мы позиционируем себя больше как социологи, в какой-то степени антропологи. И то, что касается психологического аспекта, того, как гаджеты или цифровые устройства занимают своё место в психике ребёнка, или подростка, или взрослого – для нас это своего рода чёрный ящик. То есть мы видим, мы наблюдаем, что происходит на выходе. А то, что происходит внутри – для нас не понятно. Поэтому, если Вы разъясните свою позицию по этому поводу, это будет очень ценно и важно.

Мой первый вопрос. Не секрет, что есть несколько точек зрения на то, как цифровое устройство, гаджет, встраивается в жизнь – давайте пока будем говорить о ребёнке – встраивается в жизнь ребёнка. Одна из позиций заключается о том, что он просто использует гаджет как более сложную ложку, более сложный карандаш, получая доступ к интересному миру, и ничего особенного в психике не происходит. Есть другая, более сложная позиция: на стыке взаимодействия гаджета и ребёнка формируется некая гибридная социотехническая телесность или расширенный разум. И получается, что гаджет уже встроен в процессы действия. Есть вообще радикальная точка зрения: при взаимодействии ребенка с гаджетом никакого акта опосредования не происходит, пользователь выступает не как активный деятель, а как пассивный субъект, и гаджет собой подменяет и причину действия, и сценарий ответной реакции. А на Ваш взгляд, что вообще происходит между ребёнком и гаджетом?

¹ Разговор записан 23 мая 2023 года. Интервью провела О. А. Персидская, научный сотрудник ИФПР СО РАН. Интервью проведено в рамках гранта Российского научного фонда, проект № 21-18-00103, <https://rscf.ru/project/21-18-00103/>

Эльконин Б. Д.: Ну, смотрите. На гаджет можно смотреть абстрактно, как на нечто задающее, открывающее какие-то новые возможности и новую жизнь. А можно смотреть конкретно. Первый пример. Везёт мамочка в коляске ребенка пяти-шестимесячного. И, чтобы он дал ей поговорить по телефону, она ему включает экран, и он весь там и не морочит ей голову со своими нуждами. Первое, что здесь происходит – это и моё заключение и ушедшего весной 2022-го года Бориса Алексеевича Архипова, мы с ним вместе семинарили 10 лет, связывали психофизиологию и психологию развития – не ребёнок управляет гаджетом, а гаджет ребёнком. То есть он ведёт его глазки. Он ведёт всю его психофизиологическую систему. В этом смысле, в этом акте тот малыш, который лежит в коляске, условно говоря, лишается своих психофизиологических функций, они становятся зависимыми.

Если эту мысль развить, то видимо (хотя я не экспериментировал с этим) гомологичная ситуации есть и с подростками, и со взрослыми. Это как бы водоворот, в который мы попадаем! Влипли, и всё, нас несёт. В этом смысле говорить о гаджете как о средстве индивида как-то абстрактно и пусто. В этом водовороте и ребёнок, и взрослый человек – то, чем управляет «течение реки». Это первое. И это при учёте массовизации, при нахлынувшем океане, урагане этих всех вещей.

Можно мне возразить: давайте отключим все гаджеты. Но до какой степени? Докуда? Как? Можно привести пример перехода к книгопечатанию. Раньше была устная форма речи; возникла новая письменная форма речи, и появился человек с книгой. Это возникло в тридцати или скольких-то европейских монастырях, ну или может быть в университетах. А здесь это возникло совершенно в другом темпе и в другой массовидности.

Но теперь я Вам приведу противоположный пример. Есть магистерская диссертация, выполненная в МГППУ. Я не помню её название, я её просматривал примерно год назад. Там рассказывается про эксперимент, в котором на планшете разыграли мультик, некую сказку. Но сделали так, что тот, кто его смотрел, мог управлять изображением. И выявились три группы детишек (дошкольников). Первая группа – просто пролистывает. Вторая группа что-то делает с изображением, например, цвет листочков изменяет, чтобы были более яркие и прочее. А третья группа детишек управляет самой кульминацией, то есть интригой, ключевым событием этой сказки – она меняет ситуацию. Я точно не помню, что это был за мультик, ну, например, «Волк и семеро козлят». Эти дети открывают двери волку, закрывают двери, открывают двери, закрывают двери – играют с сюжетом. То есть они работают с самой фокусировкой сюжета этого произведения. Для этой группы ребят «цифра» становится средством-усилителем понимания-переживания сказки.

Отсюда про обучение разговор: вводите компьютерную реальность, всю эту штуку. Но стройте программы так, чтобы дать человеку возможность управлять содержанием. И не только лишь элементарно – знать, на какие клавиши нажимать, чтобы нечто найти (перевод слова, например). Но и на более серьёзном уровне: возможность опробовать реконструкцию той модели, которая вложена в содержание, т. е. самому строить и менять задачу. И здесь, в отличие от того ребёнка, который в коляске едет, человек начинает владеть неким содержанием. Понимаете, вот есть два полюса. Две стороны этого дела.

А то, что это ураган, то, что новые технологии влетели в жизнь, тут, как говорил мой учитель замечательный, Петр Яковлевич Гальперин, «можно жаловаться в китайскую прачечную», ничего с этим не поделаешь. Вопрос в том, чтобы научиться делать «цифру» средством. Такова ключевая забота.

Персидская О. А.: Борис Даниилович, согласна с Вашей логикой. И выводы нашего проекта тоже во многом схожи с Вашей позицией, мы её разделяем. Но как известно, детей, которые управляют сказкой, как всегда меньшинство, а подавляющее большинство – это те, кто просто потребляет картинку и остаётся в позиции стороннего наблюдателя. Описывая ситуацию с маленьким ребёнком и гаджетом, Вы сказали, что что его психика лишается своей функции. Правильна я Вас поняла? И если правильно, то поясните пожалуйста, что это значит?

Эльконин Б. Д.: То есть, условно говоря, не ребёнок семимесячный своими глазами, их движениями, пониманием, каким-то видением картинку управляет, а картинка управляет движениями глаз ребёнка. В этом смысле я сам движения своих глаз не чувствую. Они становятся реактивными. Поведение становится реактивным.

Персидская О. А.: Поведение подчиняется сценарию, вшитому в цифровое устройство.

Эльконин Б. Д.: Да. Оно в «чужом» сценарии. Но в моём примере надо отличать реакцию от акции.

Персидская О. А.: Поясните.

Эльконин Б. Д.: Реакция – это ответ на стимул некий. И «хозяин» здесь сам стимул. А акция – это рассмотрение и проигрывание возможного ответа на стимул. И здесь работают психика и сознание (я это слово не очень люблю, оно абстрактное), но можно так рассмотреть. То есть вопрос в возможности человеческой произвольности.

Персидская О. А.: Я поняла.

Эльконин Б. Д.: Мы не во всём произвольны, и это нормально. Причем мы часто бываем произвольны после.

Персидская О. А.: Пойдём дальше. Другой вопрос. Согласно Даниилу Борисовичу Эльконину, в акте опосредствования центром было то, что взрослый задаёт образец действия ребёнку. Получается, что ребёнок не просто овладевает предметом. Здесь также важно понимать то, что он действует по образцу, овладевает этим образцом действия, осваивает сценарий поведения. Причём этот сценарий передаётся от живого взрослого. Что происходит, когда малыш остаётся один на один с гаджетом? Мы уже проговорили с Вами, что очевидно он принимает тот сценарий, который зашит в этом гаджете и остаётся в реактивной позиции. Сценарий привлекательный, яркий, и он просто не отпускает. Действительно, формируется зависимость. Поэтому есть некоторое опасение, что взрослый уже начинает проигрывать гаджету, а дальше это может только усугубиться. Соответственно, взрослый как посредник может уйти и вовсе. Такую ситуацию тоже можно представить. Правдивы ли, на Ваш взгляд, опасения такого рода?

Эльконин Б. Д.: Что касается взрослых, то они тоже разные. Как бы Вам сказать... Дело не в том, кто задаёт образец, а дело в том, как задаётся образец. То есть опосредствование – это очень сложная форма построения психо-

логической системы, выготскианским языком говоря, то есть связки функций. Я могу пример привести. Был такой гениальный физиолог Бернштейн Николай Александрович. Он говорил, что движение предполагает преодоление избыточных степеней свободы. А что значит преодоление? Это перестройка определённой связки функций. Вы переходите дорогу, вам надо смотреть и прямо, и направо, и налево. Правильно? Эта связка строится произвольно. И вот эту связку в опосредствовании надо выстроить. Это один из аспектов. В этом смысле задание образца – это непростая штука. В традиционном обучении образец задаётся таким образом: «делай так, как правильно». А я (наставник) заранее знаю, как правильно и стою «с ремнем» около тебя (с отметкой). Ты получаешь двойку, когда делаешь неправильно. Это не посреднический акт. Это инициация реактивной формы поведения. Стимул – дали задание, а у тебя реакция на него.

Персидская О. А.: Тогда как превратить реакцию в акцию?

Эльконин Б. Д.: Забота взрослого, чтобы выстроить систему опор действия ребёнка. То есть рассмотреть ситуацию или поле действия и инициировать «вычерпывание» из неё системы опор. Готовый образец – это снятая, скрытая система опор.

Персидская О. А.: То есть, на Ваш взгляд, гаджет систему опор никогда не построит?

Эльконин Б. Д.: Нет, построит, если его, опять же, задавать правильно. Ведь вопрос не в самом по себе гаджете. А вопрос в том, как включать человека в употребление гаджета. И ключевое слово здесь – проба. Когда я приводил пример со сказкой, то говорил о возможности опробования, в частности – изменения сюжета самой сказки. Но тех, кто пробует изменять – их мало, примерно 15%. Заметьте между прочим, это элита, это не 100% населения. Мышление передаётся, как мы в нашей лаборатории говорим, не «строево», а «бацильно».

Персидская О. А.: Как, ещё раз?

Эльконин Б. Д.: Бацильно. Вот сидят 20 человек в классе развивающего обучения. У них какая-то интересная задачка. Кто-то выскочил к доске, говорит: «А! А! А!». А через месяц, две недели, неделю, появляется уже группа выскакивающих. Постепенно, а не сразу все строим: первая колонна марширует, вторая колонна, третья колонна. Постепенно многим становится нужной ориентировка перед тем, как делать. То есть рассмотрение, опробование возможности. Построение и перестройка поля действия, вот это про мышление, оно так и передаётся.

Персидская О. А.: Получается, что здесь Вы видите роль взрослого как того, кто будет дирижировать этим процессом, направлять этот процесс.

Эльконин Б. Д.: Я вижу роль взрослого как того, кто не просто направляет, а иницирует опробование возможностей.

Персидская О. А.: И вот в этой функции гаджет взрослого не заменит.

Эльконин Б. Д.: Конечно не заменит. И взрослый гаджета не заменит. Как сам по себе взрослый не может заменить отвертку.

Персидская О. А.: Я поняла вас.

Эльконин Б. Д.: Это простая вещь. Представьте себе пятилетку или четырехлетку, и вы его учите винт закручивать. По-дурацки учить – это значит

сунуть свою руку к его руке и этой рукой действовать. А по-умному – сказать: «А если так?», «А если так?», «А если так?». И это становится интересно.

Персидская О. А.: Получается, что среда, в которой формируется ребёнок, уже безвозвратно изменилась, он растёт в социально-цифровой среде. А изменяется ли как-то структура посреднического действия взрослого в этой среде для ребёнка или нет? Или взрослый так же, как учил ребёнка работать с отверткой, покажет ему, как работать с гаджетами, и тут принципиальной разницы нет?

Эльконин Б. Д.: Значит, по принципу, по основной задаче посредничества, а именно задаче пробуждения ориентировки – не меняется. По своему операциональному составу – меняется. Есть молоток. А есть самовращающийся молоток. Представьте себе молоток, который имеет свои степени свободы. Вот вам гаджет. Но с ним же интересно поработать, овладеть. Это даже хорошо, потому что посредничество в своей полноте выступает в живом действии. А живое действие – это такое, где не даны границы, где ты сам должен их выстроить там, где границы поля действия, условно говоря, «гуляют».

В моей метафоре самовертящегося молотка было заложено то, что посредническая функция, в отличие от традиционного обучения, начинает быть в своей полноте в живой меняющейся ситуации. Когда мне готовую задачку не «подвезли». Объект в жизни часто не бывает данным.

Персидская О. А.: Здесь, очевидно, речь идёт о том, чтобы человек оставался в этой самой субъектной позиции и удерживал гаджет в позиции цифрового помощника.

Эльконин Б. Д.: Да.

Персидская О. А.: И не более того.

Эльконин Б. Д.: В позиции помощника. Чтобы гаджет не работал сам по себе, «не выпендривался». А когда «выпендривается», нужно задать ему определённого типа пределы и поиграть с ним. Мой пример со сказкой, он про это.

Персидская О. А.: Да.

Эльконин Б. Д.: 15% смогут играть. Я не помню, какие там цифры, но действительно их не большинство.

Персидская О. А.: А мне кажется, Вы очень верно сказали про 15%. Обычно цифра 20-30% так и фигурирует для тех, кто остаётся в позиции активных деятелей, а остальные 70-80% в позиции пассивного потребителя.

Эльконин Б. Д.: Я думаю, что из этих 15% ещё только 10% эту позицию могут удержать долго в течение времени.

Персидская О. А.: О, это задача не для всех конечно. Я согласна.

Эльконин Б. Д.: Да. Они называются элитой в той или иной области.

Персидская О. А.: Тогда, Борис Данилович, давайте ещё поговорим. Поговорим вот как раз об этом моменте, который связан с необходимостью концентрации, с необходимостью сохранения усилия. Понятно, что акт культурного развития требует личного усилия, требует работы над собой, преодоления, воли и так далее. Считается, что так складывается субъектность личности. Разумеется, здесь мы предельно упрощаем, но представляется, что схема примерно такая. Но сама логика развития технического прогресса, сама логика того, как выстраивается модель развития гаджетов, наталкивает на мысль о том, что они улучшаются, становясь всё более доступными, всё более

понятными, комфортными в использовании. И они снимают необходимость осуществлять вот это усилие. А теперь подумаем о массовости внедрения цифровых устройств в жизнь. У меня сейчас на столе три цифровых устройства и одна единственная ручка, и лист бумаги. Вот видите, как орудия традиционные проигрывают цифровым орудиям. Вроде как получается, что усилий требуется всё меньше и меньше и жить становится всё легче. Удовольствие становится доступным без всякой работы над собой. И хочется сказать, что воля и усилие могут стать атавизмами в современном цифровом мире. Можем ли мы так сказать?

Эльконин Б. Д.: То, что называется волей, то, что называется усилием – это не данности. То есть считается, что усилие необходимо, на этом традиционное школьное обучение построено и в итоге доведено до идиотизма. Потому что под волей и усилием понимается не то, что их требует. А я бы так сказал, я бы из воли и усилий не делал...

Персидская О. А.: Кольта?

Эльконин Б. Д.: Кольта, да. Непосредственность так же важна, как и волевое отношение. Теперь что касается гаджета. Я сказал, для меня ключевое слово – игра, понятая как проба-испытание. Игра с ним и через игру – управление. То есть игра с возможностями и границами управления живой ситуации. Живой.

Персидская О. А.: Давайте приведём пример, как бы это могло быть.

Эльконин Б. Д.: Вот тигр охотится – это из Гальперина пример – на несчастных оленей. Он что делает? Он же не летит на это стадо. Он где-то ложится. Ложится и смотрит. Ситуация живая. Потому что он не может знать заранее, куда они побегут, сколько их побежит, кто из них отстанет. Точно так же у нас с Вами эти игры с тремя вот этими гаджетами и одной ручкой (а я с одним гаджетом и одной ручкой). Более того, мы с Вами разговариваем. Это живой диалог, я не знаю заранее того текста, который я должен сказать. Я должен относиться к интонированию Вами смысловых акцентов. Например, я выделил предыдущий смысловой акцент: «воля и усилие» и отнёсся к нему несколько иронично. То есть приятно разговаривать в живой ситуации, удерживая определённые позиции и определённые границы живости. Что такое границы живости в нашем разговоре? Это значит, что, если Вы меня спрашиваете про футбол, то я Вам не отвечаю, исходя из формул и канонов балета, на том основании, что и то, и другое – про движение. Понимаете? Пример этой живости – пример крутящегося молотка. Значит, моя забота и Ваша забота, наша с Вами забота – чтобы задать, понять возможные границы. Чтобы управлять своей мыслью так, чтобы она не выходила за возможные границы. То есть управлять актом мышления.

Персидская О. А.: Согласна с вами, конечно.

Эльконин Б. Д.: Вот это я называю живой ситуацией. Вот это сверхзадача или предельная задача посреднического акта. Разыграй ситуацию, а не действуй по уже нечаянно в тебя вкравшемуся или анонимно заданному стереотипу движений!

Персидская О. А.: Тогда я поспорю с Вами, Борис Данилович. Смотрите, игра и спонтанность, непосредственность – это конечно прекрасно. Но ещё более прекрасно тому же ребёнку маленькому не делать самому, не следить

за ситуацией, не хранить фокус внимания, а просто свалиться в позицию наблюдателя, в позицию пассивного потребителя и подчиниться сценарию, зашитому в цифровое устройство. И вот как раз для преодоления вот этого непрерывного скатывания и нужна воля и нужно усилие. Разве нет?

Эльконин Б. Д.: И да, и нет. Да, потому что нужно усилие. Нет, потому что это абстракт. Усилие в чём? Усилие где?

Персидская О. А.: Усилие в том, чтобы оставаться в субъектной позиции.

Эльконин Б. Д.: Это не сама по себе непосредственность. Игра, если широко её понимать – это игра с границами. И это определение тех границ, в которых ситуация есть моя. А вот это называется субъект. Я это назвал управление. И здесь возможны разные трудные ходы. И эта задача посреднического акта. То есть условно, ключевая фраза – «А если так?». «А если» – ключевое при построении дальнейшего действия. И это ключевое в нормальном обучении. Я могу привести Вам пример из того, что я наблюдал в Красноярске один раз, но он длинный.

Персидская О. А.: Расскажите. Может быть удастся вкратце.

Эльконин Б. Д.: В развивающем обучении есть ключевое слово – модель. Деткам дают задачки: «Сидело А птичек, прилетело В птичек. Сколько всего?» Это прямая задача. Потом дают задачу: «Сидели птички. Прилетело В птичек. Стало С птичек. Сколько сидело?». Это косвенная задача, в ней есть провокация, потому что «при-летели», а надо вычитать. Правильно? Но у некоторых детишек это вызывало (когда-то, сейчас не знаю) трудности. Сижу я на занятии, тогда мы делали проект «Черновик», где было сказано, что в развивающем обучении доминантой является черновик, а не чистовик. То есть ориентировка. Это был 1995-й год. Хороший был проект, потому что он сам пошёл дальше, без того, чтобы его «толкать».

Задача даётся так: делается из двух отрезков схема целого и части. Условно говоря, прямая разделённая. Отрезок разделённый. Пишутся над каждым кусочком, отрезком какие-то буквы или цифры. Х – это то, что надо найти. Правильно? Это с одной стороны. А с другой стороны даётся текст задачи. Но он даётся не как целый текст, а отрезками, как бы обрывками. «Сидели птички» – один кусочек текста. «Прилетели» – другой. И так далее. И учитель крутит эти А, В, Х вокруг целого и части и говорит: «Ну, что, ребята, постройте для этой задачи текст, но не решайте задачу. Соберите из осколков текст». А в тексте ещё есть провоцирующие, лишние вопросы. Потом он (учитель) делает то же самое, манипулирует с осколками текста, а ученики к нему рисуют схему: где там А, где В, где Х. Это называется обратимость знаковой операции. Вот это, примерно, я называю игрой. Такой тип работы. И детвора, они работают по двое за столиками, работают с радостью и удовольствием. Без того, чтобы их понукали. Эффект стопроцентный.

Персидская О. А.: Хорошая история, Борис Даниилович. Мы тоже пытались заниматься построением поисковой ситуации в обучении с применением цифровых посредников. И поэтому мне Ваш рассказ откликнулся и показался очень интересным.

Эльконин Б. Д.: Это школа «Универс» г. Красноярска, знаменитая и замечательная.

Персидская О. А.: Борис Данилович, два вопроса у меня остались. Один вопрос связан с цифровой социализацией. Очень многие социологи, а также некоторые психологи пишут о том, что раз ребёнок (подросток) проводит большую часть времени в цифровом устройстве, там же он и общается, там же он и формирует свою цифровую социальность. И есть большой соблазн применять словосочетание «цифровая социализация» как некоторый термин. Но с другой стороны, само взаимодействие в цифровой среде не социальное по своей сути. И здесь у нас получается логическое противоречие. А как Вы считаете, что делать с этой цифровой социализацией? Можно ли о ней говорить как о социализации в привычном смысле? Или всё-таки оставить цифровую социализацию только лишь как метафору? Это первый вопрос.

И второй вопрос тоже бы очень хотела с Вами обсудить. Можем ли мы говорить о том, что сама модель культурно-исторического развития изменилась с приходом цифры? Но это широкая и большая тема. Я даже не знаю, захотим ли мы с Вами туда податься.

Эльконин Б. Д.: Отвечу. Значит, про цифровую социализацию. Вообще есть пределы моей компетентности, я не социолог. Про неё могу сказать на примере. Мы организуем сетевые школы. То есть сети. И обучение идёт сетевое, а не очно. И всё время идет разговор, а как же людская чувственность.

Персидская О. А.: Да, это важно.

Эльконин Б. Д.: Представьте себе, что мы с Вами сидим за столом и разговариваем. А тут мы «в телевизоре». Это две разных ситуации. Мой ответ тем, кто против сетевых школ: сетевые школы имеют определённые преимущества, они в определённых границах выстроены. Там ребёнок и подросток более свободен, чем тогда, когда он торчит в классе и отвечает на вопросы. Там возникают свои между ними группы и так далее. Но в этом я не специалист. Есть у нас Алексей Борисович Воронцов, он про это лучше знает.

Мой ответ на разочарование. За счёт чего, собственно, акт общения оказывается в большей полноте? А за счёт того, что он будет требовать большего и лучшего интонирования самого содержания дела. Это так я могу предварительно приблизиться к Вашему вопросу о цифровой социализации в той мере, в какой эта социализация требует большей сосредоточенности на самом содержании общения, которое легче в непосредственном виде, в офлайн – как если бы мы с Вами сидели за столом друг напротив друга в комнате. Чем больше человек со-действует, тем он по-человечески сильнее. Целиком заменить людские общности – это идиотизм. То есть такая шизофреническая, причем вполне себе клинически шизофреническая мечта.

Жать руку, но не симулятивно, а так, чтобы ты чувствовал. Обниматься, целоваться и так далее. В этом экранном виде, сами понимаете, это не всегда удаётся, мягко выражаясь. В этом смысле эмоциональность людская – это способ подчеркивания обращения. Так называемая эмоция и всё, что сейчас с этим модным эмоциональным интеллектом связывается. Чувства – это искреннее, а не условно светское. Сейчас же люди и очно «компьютерно» общаются. Условно, пришёл ты на какие-то посиделки. Здороваясь, все обнимаются. Как обнимаются? Какой смысл этих объятий? Потому что они телесные? Нет. Обнимаются, смотрят в сторону.

Персидская О. А.: Ну да, ритуал проводится просто. Не более того.

Эльконин Б. Д.: Опять же, симуляция.

Персидская О. А.: Да-да.

Эльконин Б. Д.: Ну вот эти аспекты я бы удержал в этом нашем разговоре. А именно – что даёт возможность удержания обращённости в экране, усиливает фокусировку в сетевом общении. И второе – что даёт возможность обращённости в фактической встрече людей.

Персидская О. А.: Это важные акценты.

Эльконин Б. Д.: Около того, что Вы спросили.

Персидская О. А.: Последний вопрос широкий. Можем ли мы говорить о том, что культурно-историческая психология изменилась? Сама модель культурно-исторического развития изменилась?

Эльконин Б. Д.: То, что мы называем культурно-историческим подходом, надо понимать как то, что, как и всякая хорошая школа, требует инноваций и реконструкций. С компьютерами, без компьютеров – неважно. В частности, например, то, что касается способа осуществления опосредствования. Например, Выготский говорил об опосредствовании как необходимом моменте произвольности и прочего. Но он не говорил о том, как и когда оно сбывается.

Персидская О. А.: Да.

Эльконин Б. Д.: Каковы условия того, что опосредствование действительно случится? Культурно-историческая концепция, когда она сталкивается с этим, должна быть выстроена как способ удержания движения конструкций, движения в широком действии. В живой ситуации. Об этом Петр Яковлевич Гальперин писал. Но когда он делал концепцию поэтапного формирования, он забывал, что в книжке «Введение в психологию» и в примерах с животными он об этом писал. Но я не забывал, я его чу, он мой учитель в университете и так далее. Кстати, чтить учителей – это не значит им следовать. Это значит реконструировать. Поэтому принцип культурно-исторической психологии, то есть принцип построения того, что такое сознание и что такое субъект – это принцип реконструкции образцов. Условия меняются и поэтому требуются новые типы экспериментов. Новые разработки. Вот такой мой ответ.